

До изнуряющей тбилисской жары было еще недели три, а то и четыре, но уже появились главные приметы того, она не заставит себя ждать: по дворам начал ходить мороженщик, на его крики: «Эскимомороженное, эскимомороженное» собирались дети и терпеливо выстраивались в очередь пока он накладывал мороженное между прямоугольными вафельками с именами. И клубника - самая долгожданная радость первых майских дней что для детей, что для взрослых - уже продавалась на городском рынке.

Наташа и Мара стоят на огромном как дачная терраса балконе-галерее и ждут отца. Утром Соломон ушел на работу и должен был вернуться к семи, но уже почти девять, а его все нет.

Наташа небожно, но обидно щипает дочку в плечо, говорит сквозь зубы: «Очень тебе была нужна эта клубника, да?». Мара и сама уже сто раз раскаялась, что утром попросила отца зайти на рынок и купить ей клубнику.

Арестовывали обычно или на работе, или поздно ночью, поэтому вечерние и ночные часы были самыми мучительными для семьи: вернется-не вернется, придут-не придут. На их балконе арестовали двоих. Сначала Алешу Ломадзе, мужа Шуры и отца Руси, Мариной подруги. Арестованному разрешали взять с собой смену белья и 50 рублей. У многих эти вещи лежали заранее приготовленными. Накануне Шура попросила у Наташи одолжить денег на продукты. Все уже спали, поэтому та пообещала дать деньги утром, а ночью Алешу пришли арестовывать. Наташа и Соломон не побоялись выйти, чтобы попрощаться, Наташа перекрестила его и положила ему в карман пиджака деньги.

После ареста мужа Шура повесила в квартире портреты Сталина и Берии. Как-то Мара и Наташа зашли к ним в гости, и они стали вспоминать Алешу. Руся в слезах вскочила и разорвала оба портрета.

А позже, в декабре 1937, арестовали еще одного соседа – Машука Алагардяна. Он должен был выступить на собрании по случаю годовщины убийства Кирова. Стоя на трибуне он вместо слов: «Сегодня три года со дня злодейского убийства Сергея Мироновича Кирова» произнес от волнения:

Мария Шабурова «Топсик»

«Сегодня три года со дня злодейского убийства Иосифа Виссарионовича Сталина», и был арестован прямо в зале.

Марочка смотрит на Топсика, огромного полосатого серого кота. Каждый день Топсик встречает отца после работы. Просто чувствует, что через 10 минут он будет на углу улицы Акакия Церетели, идущей от некогда Эриваньской площади, переименованной сначала в площадь Берии, а потом площадь Ленина к улице Энгельса, когда-то Бейбутовской улице, и неторопливо идет к их пересечению. Если отец запаздывает, он садится на перекрестке и невозмутимо дожидается его, а потом идет рядом с ним домой.

Но сегодня Топсик и не думает шевелиться. Он лежит на перилах балкона и прищурив глаза смотрит куда-то вбок, на открытое окно кухни, где толстая и довольная Джульетта наворачивает голубцы к позднему, по тбилисскому обычаю, ужину. Несколько месяцев назад она решила, что у нее в животе выросла опухоль, и она умирает, и стала прощаться с соседями. Потом все же пошла к врачу и узнала, что беременна.

Вскоре арестуют Сергея Петровича Птипцова, жениха Лиды, Мариной старшей сестры. Лида так и не выйдет замуж, но воспитает дочь Наташу, названную в честь своей мамы, к тому времени уже покойной.

Будет вынужден уйти с работы Арчил, муж Наташиной сестры Маргариты, родной Мариной тети, которую та называла «мама-тетя».

Он работал экономистом на крупном предприятии. На собрании его сослуживец сказал, что «Шармазанашвили покровительствует неблагонадежным элементам». До этого никогда не работавшая Маргарита устроилась помощницей к соседке-портнихе, Арчил на несколько лет затаился, а его сослуживца арестовали через месяц.

За то время, что Мара с Наташей стоят на балконе, в большом эмалированном тазу Джульетты вырастает гора голубцов, но отец все не появляется.

Из его сослуживцев уже арестовали дядю Сережу Назарова, который с женой Валей переехал в Тбилиси из Ростова по назначению. Это был красивый

Мария Шабурова «Топсик»

жизнелюбивый человек, предупредивший Валу перед свадьбой, что всегда будет с ней жить, но единственной в его жизни она никогда не будет. Внешне Валя относилась к этому совершенно спокойно, даже гладила ему рубашки перед свиданиями, чтобы он выглядел прилично. Может, оба они были людьми 20-х с их свободной моралью, а, может, она просто примирилась. Его арестовали глубокой ночью, квартиру опечатали, а Валу выгнали на улицу, и она в пять утра пришла к Мариным родителям и осталась жить у них до начала войны, когда ей все же выдали какое-то жилье. Тогда кто-то из знакомых перестал общаться с Мариным отцом, сказав, что он самоубийца, а у него семья-дети. В 1956 начали работать комиссии по реабилитации, и из короткого протокола допроса стало известно, что Сергея Назарова обвинили в намерении взорвать Земо-Авчальскую ГЭС.

Еще одного сослуживца арестовали, но выпустили. Когда у них с Соломоном возник рабочий конфликт, он с упреком сказал: «Эх, Соломон Иванович, знали бы вы, сколько меня били, чтобы я написал, что вы «враг народа».

Мара тихонько, не привлекая внимание матери, подвинулась вдоль парапета поближе к коту и попыталась спихнуть его локтем с перил: «Топсик, давай же, иди папу встречать, хватит тут сидеть, ну, давай». Но кот и не думает окидать свое место, встает, несколько раз крутится вокруг своей оси и садится спиной к Джульетте, очевидно, поняв, что на этот раз поживиться там нечем. Не то, что в прошлый раз, когда ему удалось ухватить у зазевавшейся Джульетты кусок осетрины и принести Наташе на кухонный стол.

Становится немного прохладнее. Джульетта заканчивает делать голубцы и уходит в кухню, терраса тоже пустеет, детей загоняют домой, соседи садятся ужинать. Джульетта гордится своими голубцами и вообще кулинарными умениями, как-то в споре с русской соседкой возмутиться: «Это ты-то культурная женщина? Да ты даже голубцы делать не умеешь». - «Зато мне советская власть доверяет детей воспитывать», - парирует та.

14 апреля 1938 года арестовали родного брата Наташи Иосифа Давыдовича Хечумова, дядю Осю, как его называла Мара. Это был невысокий полноватый и уже немного лысеющий человек, которого вне узкого

Мария Шабурова «Топсик»

семейного круга мало что интересовало. Он, его мать Вера Степановна, бабушка Филомина Карловна, жена тетя Леля, дети Миша и Лика жили в Москве во 2-м Обыденском переулке, что в районе Остоженки. Мара любила и потом часто вспоминала эту квартиру еще и потому, что там она познакомилась со своим будущим мужем.

Дядя Ося родился в 1897 году, был офицером российской армии и участвовал в Первой мировой войне. В базе данных «Мемориала» указано, что он родился в 1895, в 1918-1920 гг. он был офицером армянской национальной армии, затем техническим руководителем артели «Гарнет» Мосстеклопромсоюза.

Когда его бабушка Филомина Карловна переехала в Москву, он решил показать ей город, нанял фаязона и несколько часов возил в нем пожилую женщину, одетую в армянское национальное платье и головной убор лечаки, и все прохожие тарасились на нее, как на актрису исторического фильма. Когда бабушка Филомина заболела, он выделил ей большую комнату из двух, и ни за что не соглашался с матерью, которая уверяла, что она свою мать не обидит, а большая комната нужна ему с женой и детьми.

Когда Маре было лет восемь, ее привезли погостить к бабушке в Москву, и ее с Мишей и Ликой, двоюродными братом и сестрой, повели в кинотеатр, где перед сеансом была детская викторина.

Ведущий задавал вопросы, стеснительная Маре тихо отвечала, а Миша громко выкрикивал правильные ответы и получил приз.

Дома Мара была огорченна, а на следующий день дядя Ося пришел и торжественно сказал: «Марочка, мне позвонили из кинотеатра и сказали, что произошла ошибка, приз должен достаться тебе, и вручил ей большую куклу».

В следующий раз они увиделись уже буквально за несколько дней до его ареста.

Он приехал в Тбилиси на десятилетний Марин день рождения 12 апреля. Все были в очень подавленном настроении из-за арестов, и вдруг дядя Ося спросил мариного отца Соломона:

Солико, как думаешь, а тарпи придет?

Тарпи – это такие люди на Кавказе (а, может, именно в Грузии), которые,

Мария Шабурова «Топсик»

узнав, что где-то праздник, приходили в дом, приносили рыбу, фрукты, произносили поздравления, пели, а за это им давали немного денег.

- Ося, опомнись, какой тарпи? На дворе 38 год!

И случилось буквально чудо, потому что тарпи пришел. Все страшно обрадовались, а Соломон целовал тарпи в мокрые усы.

Обвинялся Ося, как и множество других людей, в участии в контрреволюционной террористической организации.

Мать Оси, Вера Степановна, обладала сильным характером. Она овдовела в 24 года и воспитывала троих детей: Наташу, Осю и Маргариту. В старости она говорила, что больше всего жалела о том, что не выучилась на медсестру <Мать ей сказала: «Еще чего, чтоб все говорили, что ты там с докторами путаешься»> и не завела любовника. После ареста сына дом держался на ней. У его жены тети Оли, очень красивой женщины, среди родни была репутация хорошей, но глупенькой. Уже после войны Мара с Наташей приехали в Москву в коммунальную квартиру, где жили Осины мать, жена и дети. Утром случилась паника: в комнате соседа сквозь прозрачное стекло заметили какую-то тень. Марина мама сказала: «Воры», тетя Оля: «Привидение». Вера Степановна велела всем разойтись, догадалась, что сосед привел даму и ушел за булочками к завтраку.

Стало почти уже холодно, кот прыгает с перил и двигается к выходу. Мара и Наташа хотят пойти за ним, но боятся двинуться с места, так и стоят глядя вниз на улицу, пока шаги отца не становятся слышны на лестнице. Бегут на лестницу и обнимают его и кота, которого он несет на руках. Оказалось, в этот день его задержали на работе, и он, хотя и понимал, что семья сходит с ума от ужаса, не мог ничего поделать. Когда освободился, мчался домой со всех ног, конечно, уже без клубники.

Мара – моя бабушка с папиной стороны.

Наташа и Соломон – ее родители, мои прабабушка и прадедушка.

Ося – родной брат Наташи.

Маргарита – родная сестра Наташи и Оси.

Арчил – муж Маргариты.

Мария Шабурова «Топсик»

Алеша, Шура, Руся, Машук, Джульетта – соседи.

Топсик – кот.